ГОВОРЪ.

Лѣтъ тому съ десятокъ, сидѣли мы въ тверской деревнѣ моей съ добрыми сосѣдями въ саду, подъ навѣсомъ (а у меня вокругъ дома сдѣланъ широкій навѣсъ, сажени въ три), пили чай, не торопясь, курили трубки и балагурили. Бесѣда подошла къ народному говору, который различается такъ рѣзко и ясно для привычнаго уха, не только въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, но даже иногда въ близкихъ, сосѣднихъ полосахъ. Развѣ лихо возьметъ литвина, чтобъ онъ не *дзекнулъ?* Хохолъ *у саду* (въ саду), сидитъ, *въ себя* (у себя) гоститъ; и по этому произношенію, какъ и по особой пѣвучести буквы *о*, по надышкѣ на букву *г*, вы легко узнаете южнаго Руса; курянинъ *ходить* и *видить*; москвичъ *владѣетъ* и *балагуритъ*, владимірецъ *володаетъ* и *бологуритъ*; но этого мало, въ Ворсмѣ говорятъ не такъ,

какъ въ селѣ Павловѣ, и кто наостритъ ухо свое на это, тотъ легко распознаетъ всякаго уроженца по мѣстности.

— Не совсѣмъ я на это согласенъ, сказалъ одинъ изъ гостей моихъ: — воля ваша, а вы опять сѣли на своего конька. — Другіе поддерживали моего противника: они соглашались, что у насъ есть различіе въ говорѣ, по губерніямъ, или вѣрнѣе по полосамъ, что особенно рѣки обозначаютъ предѣлы этихъ нарѣчій, но утверждали притомъ, что по говору нельзя опредѣлить вѣрно даже губерніи, не только округа, что произношеніе въ народѣ нашемъ какое–то общее, грубое, съ небольшими оттѣнками, подъ Москвой на *а*, подъ Костромой на *о*, но вообще довольно неопредѣлительное, шаткое, произвольное, что къ нему нельзя примѣниться и нельзя сдѣлать по немъ никакихъ вѣрныхъ заключеній. Мнѣніе это они подкрѣпляли еще тѣмъ, что, напр., въ Шенкурскѣ находимъ почти бѣлорусское произношеніе, а въ Новгородской губерніи весьма близкое къ малорусскому, но что, при всемъ томъ, собственно въ

Великороссіи всѣ говоры эти сливаются болѣе въ одинъ, и въ этомъ одномъ оттѣнки не довольно–значительны и точны.

На дворѣ пробѣжалъ дождичекъ, и опять проглянуло солнце; дорожки въ саду были усыпаны какимъ–то илистымъ пескомъ и сдѣлались скользкими. Плотникъ, идучи мимо насъ съ доской — я строилъ бесѣдку — поскользнулся и чуть было не упалъ; я оборотился къ нему и спросилъ: что ты? — Ничего, отвѣчалъ онъ, прибавивъ къ этому еще одно только слово, оправился, отряхнулся и пошелъ далѣе.

— Повѣрите ли вы мнѣ на слово, господа, сказалъ я: — что два плотника, которые у меня работаютъ со вчерашняго дня, наняты, въ помощь моимъ, не мною, что я ихъ не видалъ, не говорилъ съ ними доселѣ ни слова, и что вотъ теперь, при васъ, первый разъ слышу, какой у этого человѣка голосъ?

— Коли вы говорите это, то повѣримъ, отвѣчали тѣ: — почему–жъ нѣтъ?

— Ну, вы слышали, что онъ мнѣ отвѣчалъ: скажите жъ мнѣ, откуда онъ?

Одинъ не дослышалъ, другіе увѣряли, что плотникъ отвѣчалъ только: «ничего, скользко», и не брались вывести изъ этого никакого заключенія. — Это новгородецъ, сказалъ я: — держу какой хотите закладъ, и притомъ изъ сѣверной части Новгородской губерніи, а почему? да потому что онъ сказалъ не *скольско*, а *склёзко*. Пошли и спросили — вышло такъ.

Гости мои посмѣялись этому случаю, потомъ начали подшучивать и наконецъ, по врожденному въ насъ духу сомнѣнія, стали намекать, что едва ли я не подшутилъ надъ ними, на счетъ моего знанія народныхъ нарѣчій; они считали невѣроятнымъ, чтобъ я не зналъ, откуда пришли ко мнѣ въ домъ плотники, а также не совсѣмъ похожимъ на дѣло, чтобъ по одному слову *склёзко* узнать сѣвернаго новгородца. — Воля ваша, господа, сказалъ я: — но мнѣ случалось это ужъ не десять разъ на вѣку моемъ, и я очень рѣдко ошибался. Впрочемъ, я соглашаюсь въ томъ, что собственно говоръ или произношеніе вѣрнѣе указываетъ намъ родину, чѣмъ то или другое слово; но

иногда именно одного только слова достаточно, чтобъ рѣшить вопросъ.

Въ это время доложили мнѣ, что пришли два старца съ сборною памятью. Я уже слышалъ объ нихъ; они разъѣзжали нѣсколько времени по нашему уѣзду и обратили на себя, по разнымъ обстоятельствамъ, нѣкоторое вниманіе. — Они вошли; одинъ былъ старичокъ, хвораго вида и молчаливый, а другой молодецъ собой и красавецъ, ловкій, бойкій, но, впрочемъ, держалъ себя также очень прилично. Я ихъ посадилъ, началъ разспрашивать и удивился съ перваго слова, когда молодой сказалъ, что онъ вологжанинъ. — Я еще разъ спросилъ: да вы давно въ томъ краю? — «Давно, я все тамъ.» — Да откуда жъ вы родомъ? — «Я тамодій» пробормоталъ онъ едва внятно, кланяясь. Только что успѣлъ онъ произнести слово это — *тамодій*, вмѣсто тамошній, какъ я поглядѣлъ на него съ улыбкой и сказалъ: а не ярославскіе вы, батюшка? — Онъ побагровѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, взглянулся, забывшись, съ

товарищемъ и отвѣчалъ, растерявшись: «не, родимый!» — О, да еще и ростовскій! сказалъ я, захохотавъ, узнавъ въ этомъ «*не, родимый*» необлыжнаго ростовца.

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ вологжанинъ мнѣ бухъ въ ноги: не погуби!....

Подъ монашескими рясами скрывались двое бродягъ съ фальшивыми видами и сборною памятью; мой ростовецъ былъ сидѣльцемъ на отчетѣ, унесъ выручку и бѣжалъ. Въ раскольничьихъ скитахъ нашелъ онъ пристанище и доселѣ шатался по разнымъ мѣстамъ, собирая подаяніе.

Это приключеніе разсмѣшило и утѣшило моихъ гостей; тутъ уже подлогъ съ моей стороны былъ невозможенъ, и они убѣдились въ основательности моихъ познаній по части отечественнаго языковѣдѣнія.